

СПОРИМ,
Я ТЕБЯ
ЛЮБЛЮ?

ЕЛИЗАВЕТА
МАНКЕВИЧ

ЕЛИЗАВЕТА
МАНКЕВИЧ

СПОРИМ,
Я ТЕБЯ
ЛЮБЛЮ?

ПЛЕЙЛИСТ ДИСКОТЕКИ ЛАГЕРЯ «ЛИНКИЯ»

1. Алена Швец — «В таких, как я»
2. The Roses — «Kiss Me»
3. Dose, АСП — «Солнце Золотое»
4. Stray Kids, Young Miko, Tom Morello — «Come Play»
5. Charli XCX — «Track 10»
6. Lady Gaga — «Monster»
7. «Чи-Ли» — «Сердце»
8. Мина, Мартин — «Наверное, невозможно»
9. One Direction — «No Control»
10. «ТРАВМА», «Ранетки» — «О тебе»
11. Lida, Дмитрий Маликов — «Я тебе соврал»
12. BLACKPINK — «BOOMBAYAH»
13. LOVV66 — «SAMAYA PERVAYA»
14. Егор Крид — «Будильник»
15. Mary Gu, OG Buda — «Толстовка»

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Полина

ВЗБУДОРАЖЕННЫЕ ПОДРОСТКИ поднимают пыль на автовокзале: суетятся, гремят чемоданами и очень громко разговаривают. В глазах рябит от количества цветастых футболок с номерами отрядов, которые маячат туда-сюда. Еще и пресловутая жара изматывает: одежда неприятно липнет к телу. Лично для меня сборы в лагерь под названием «Линкия» выглядят как ночной кошмар или начало американского слэшера. В горле болезненно пересыхает от жажды и осознания того, что я проведу оставшуюся часть каникул среди незнакомцев без возможности сбежать. Почему никто не издал энциклопедию «Как выжить в лагере для чайников»? Я бы с удовольствием проштудировала ее от и до, но... вряд ли бы чувствовала себя увереннее.

— Поля, пожалуйста, улыбнись, — просит мама, потряхивая меня за плечо. — Совсем скоро ты окажешься на море.

Я морщусь:

— И что мне это море?

— Прекращай! — приказывает отец строго и тут же начинает улыбаться. — Полина, не будь врединой, посмотри, как остальные радуются. Тебя ждут новые друзья и приключения.

На самом деле остальные не радуются, а гудят, как осиное гнездо.

— Приключения, ага, — саркастично фыркаю я. — Сорок восемь дней тюремного заключения, подъем в семь утра и пюре с комочками на ужин.

— У тебя дар преувеличения, — смеется мама, элегантно придерживая поля широкой шляпы. — Звони нам утром и вечером, хорошо кушай и ни с кем не ругайся.

— Да-да... — отмахиваюсь я. — Проводы закончились? Или на дорожку присядем?

Смотрю на воодушевленные лица родителей и испытываю чувство вины из-за своей грубости и безразличия. Прекрасно понимаю, что они стараются ради меня и ни в коем случае не желают зла. Но... лагерь? Серьезно?! За что мне такое наказание? Я учусь хорошо, школу не прогуливаю и не тусуюсь в сомнительных компаниях. Меня не за что наказывать, но они наказали. И что это за лагерь такой, где есть только одна смена и она длится целых сорок восемь дней?

— Обними нас и прыгай в автобус. — Отец раскрывает руки для объятий, в которые я мгновенно ныряю. — Все будет хорошо, ты обязательно с кем-нибудь подружишься.

— Будь на связи, дочка, — шепчет мама с придыханием.

Хватаю за ручку огромный розовый чемодан с дурацким принтом в виде безвкусных красных сердечек идвигаюсь в сторону трансфера. По телу разливается обжигающее чувство тревоги, но я стараюсь ему не поддаваться. Слишком рано. Еще ничего плохого не случи...

Каким-то невероятным образом ручка от чемодана выскальзывает из ладони, и мое розовое чудовище падает прямо на ногу парня, идущего позади. Это дар — с первой же минуты влипнуть в неприятности.

— Эй ты, будь со своей громадиной поаккуратней! — вопит он хрипло, и я, набравшись смелости, оборачиваюсь.

Вижу рыжеволосого парня с огромными глазами травянисто-зеленого оттенка. Он коренастый, кожа белая, как лист бумаги, а взгляд источает презрение.

Вот и первая стычка.

— Прости, — выдавливаю я с опаской.

— Ты себя видела вообще? — рывкает Рыжий, а затем неожиданно добавляет: — Выглядишь как стебелек. Давай-ка мне эту махину, пока ты тут всех не передавила.

По-хозяйски, не дождавшись ответа, парень поднимает чемодан и тащит его в сторону отсека с багажом. Молчу и наблюдаю. Станный тип: вроде агрессивный, а вроде не очень. Благодарю незнакомца кивком и вымученной улыбкой. С опущенной головой захожу в автобус и занимаю козырное место у окошка в самом хвосте. Как только автобус трогается с места, вставляю наушники в уши и отстраняюсь от окружающего мира, наблюдая за мелькающими мимо деревьями. Понятия не имею, зачем родители решили отправить меня в лагерь. Я сопротивлялась, выдумывала причины, чтобы никуда не ехать, но в итоге качусь с незнакомыми людьми непонятно куда, оставив дома любимого щенка, ноутбук с сериалами и стопочку новеньких книг.

Общение со сверстниками всегда давалось мне нелегко. Я не изгой и не самая популярная девочка в классе. Я статистка, актриса массовки с задней парты, мое имя даже учителя запомнить не могут. В лагере будет так же, люди в любом коллективе до прискорбного одинаковы: альфы, беты, гаммы и омеги. Или как эти стаи научно разделяют?

Пять часов проходят незаметно, под аккомпанемент треков из плейлиста «Выжить», который я составила накануне. Автобус паркуется на пустыре, неподалеку от желтых четырехэтажных домиков, окруженных изогнутыми прутьями зеленого забора.

Выхожу на улицу и вдыхаю полной грудью. Пахнет свежестью, словыми ветками и горячим асфальтом. Нас встречает стрекотание сверчков, а легкий морской ветерок касается моих кудрявых непослушных волос. Эффект «вау» определенно присутствует. Прекрасно понимаю, что это ненадолго, ведь лагерь не курорт, а каторга.

— Первый отряд, возле меня собираемся! — кричит молодой человек в желтой кепке. Я сразу распознала в нем вожатого.

Он выглядит довольно-таки молодо и производит приятное впечатление, в отличие от апатичных учительских лиц в школе.

— Меня зовут Алексей, я ваш первый вожатый. Сейчас подойдет Диана, она — второй, — объявляет он так громко и медленно, словно стоит напротив группы слабослышащих. — Устроим переключку...

Алексей начинает перечислять все двадцать имен, периодически поднимая голову на выкрики

«я». К нему подходит Диана с толстенной папкой в руках, и мне становится безумно волнительно, ведь сейчас я узнаю, с кем буду жить в одной комнате ближайшие сорок восемь дней.

— Полина Шаршина, Юля Садовникова и Саша Баар — комната двенадцать, первый корпус, — горланит вожатая.

Слышу свою фамилию, и у меня начинает звенеть в ушах. Тревожность цепкими когтями захватывает в свой омут. Иллюзий не строю и очень опасаясь, что отношения с *сокамерницами* будут натянутыми, как с одноклассниками в школе.

— Где Шаршина?

Теперь мою фамилию произносит высокая худощавая девушка.

Особых навыков дедукции не нужно, чтобы догадаться, что блондинка с ярко-розовой прядью — одна из моих соседок. Рядом с ней стоит миниатюрная темноволосая девушка в откровенном синем топе. Они уже знакомы? Может, даже подружки...

Подхожу к ним с надвигающимся приступом социофобии. Ладно, я преувеличиваю, но сердце учащенно бьется от волнения, и это не радует.

— Я Юля, а это Саша, — дружелюбно представляется блондинка.

— Я Полина, — еле слышно бурчу я.

— Успеем познакомиться, — небрежно бросает Саша. — Хватайте чемоданы — и пойдем в комнату. Если я в течение часа не схожу в душ, то убью кого-нибудь.

Мы проходим через скрипучие зеленые ворота, на верхушке которых красуется огромная морская звезда. Судя по тому, как уверенно Юля и Саша

потопали к нужному корпусу, они в «Линкии» уже были. Территория им знакома, и местные порядки, должно быть, тоже. Легким движением Баар открывает дверь нашего карцера, и девчонки с визгом забегают внутрь.

— Это моя! Я забиваю! — Юля плюхается на кровать возле балкона.

— Тогда эта — моя! — Саша тыкает в сторону койки возле двери.

Я даже моргнуть не успеваю, как мне достается место у стенки. Сойдет. Рядом есть розетка и тумбочка, что еще нужно?

Саша отпрашивается в душ, кинув чемодан посреди комнаты. Юля начинает педантично осматривать комнату, вслух примечая каждую деталь, а я понятия не имею, что делать. Разбирать чемодан? Поддерживать разговор? Вы не издали энциклопедию про лагерь для чайников? Тогда я издам!

— Полина, тебе сколько лет? — Юля садится рядышком со мной на кровать, поправляя короткие джинсовые шорты.

— В августе будет семнадцать.

— Получается, ты Лев? — Юля прищуривается.

— Это плохо?

Хочу сказать новой соседке, что не верю в знаки зодиака, но не хочу ее разочаровывать.

— Наоборот, я Стрелец, у нас с тобой идеальная совместимость. — Юля широко улыбается, и мне становится чуть спокойнее. — А вот Сашка — Рак, мы с ней не сходимся.

Юля вызывает приятное впечатление. Отмечаю ее симпатичные шорты с имитацией вывернутых карманов, кеды на высокой платформе и разно-

цветные колечки в волосах. Раньше я не видела ровесниц, которые так одеваются. Девушки с подобным стилем попадались мне лишь в сериалах. На ее миловидном лице много макияжа: голубые глаза подведены черным карандашом, под бровями сияют стразы в виде сердечек, а губы подкрашены темно-малиновой помадой. Наверное, нужно быть смелым человеком, чтобы позволить себе выделяться из толпы.

— Давно вы знакомы с Сашей? — осторожно спрашиваю я, собирая волосы в хвост.

— Мы ездили в лагерь вместе в прошлом году, но жили в разных комнатах.

Значит, они все-таки не подруги, а просто знакомые. Но нас здесь трое. А дружба втроем — явление несуществующее. Два года назад я познакомила свою подругу Иру со знакомой из художественной школы — Машей. Наше трио продержалось недолго. Маша и Ира быстро сдружились против меня.

Юля тащит меня за рукав футболки в сторону балкона, и мы осматриваемся. Вид с первого этажа простирается на огромное поле, где бегают мальчишки лет десяти. За футбольным полем виднеется шестизэтажное здание со стеклянной крышей, которое выглядит довольно современно. Юля говорит, что это сооружение — новый корпус, который все никак не могут достроить.

В дверь комнаты трижды стучат. Это наша вожака Диана, пришла объявить о том, что у нас есть час на принятие душа и сборы, затем мы пойдем на обед, а после наш отряд поведут на какое-то ознакомительное мероприятие.

На удивление, обед оказывается довольно вкусным, а вот мероприятие... Знакомство с лагерем походит на школьную линейку: нудная речь из динамиков, скучающие лица сверстников и оглушающие музыкальные вставки. Мы сидим в амфитеатре, Саша и Юля постоянно перешептываются, а я думаю лишь о том, что хочу домой. Еще мне кажется, я не понравилась Саше. Баар будто намеренно игнорирует мое существование и пытается переключить на себя все внимание Юли.

Возвращаемся в комнату, чтобы более-менее обустроиться. Я разбираю свой чемодан, раскладывая одежду по полочкам. Саша атакует столик рядом с зеркалом, вываливая на него бесконечное количество косметики. А Юля — вообще отдельный экспонат со своими эзотерическими прикрасами в виде лунных камней, карт Таро и мешочками с шалфеем.

Достаю из плена розового чудовища любимую плюшевую подушку с вышитым единорогом. Пришлось взять ее с собой. Она защищает от ночных кошмаров с тех пор, как семь лет назад ее подарила бабуля.

— Прости, но что это? — Саша тыкает пальцем в подушку с очевидным отвращением.

— Я не могу без нее спать, — отвечаю спокойно, но внутри все закипает.

— Тебе три года? — хохочет Баар. — Полина, это ужас. Прячь ее, если к нам будут заходить в гости.

Вот она, типичная альфа. Не хочу пресмыкаться или вступать в баталии. Самый разумный под-

ход — держаться от таких людей подальше, что я и собираюсь делать. Если Саша так отреагировала на подушку, то будет цепляться за каждую мелочь, кривя губы и высмеивая.

Ничего не ответив, бросаю в сумку карандаш, скетчбук и телефон. Чувствую невероятную потребность в уединении, поэтому покидаю комнату и отправляюсь на поиски «своего» места в обители зла. Нет, я не истеричка, просто слишком люблю одиночество. Новые знакомства для меня хуже прогулки по минному полю.

Здание со стеклянной крышей так и манит. Если стройка приостановлена, то у меня есть шанс пробраться внутрь и отыскать тихий уголок. Пересекаю футбольное поле, поворачиваю за угол и сталкиваюсь с Рыжим. Опять! Делаю шаг влево, чтобы обойти его, но он преграждает путь. Ступаю вправо — Рыжий делает то же самое и вновь не дает мне пройти. Конопатая физиономия улыбается и хихикает.

— Я Егор, а тебя как зовут?

— Полина, — раздраженно вздыхаю я. — Дай пройти.

— Полина — кислая мина?

Стреляю в парня максимально яростным взглядом, Егор наклоняет голову вбок и звонко смеется.

Избавляюсь от внимания Рыжего и пытаюсь проникнуть в здание. Главный вход без двери, основным препятствием служат желтые ленты с надписью «не входить», через которые я пробираюсь как через лазерные лучи в фильмах про шпионов. Вбегаю по пыльной лестнице вверх, минуя разбросанные банки красок и шпатели. Последний

этаж пуст, через стеклянную крышу в виде купола видно бескрайнее небо.

Бросаю сумку на пол и вскидываю голову, молясь, чтобы никто не узнал о моем секретном месте. Сажусь на подоконник и скрещиваю ноги, соблюдая достаточную дистанцию, чтобы лагерные не смогли увидеть меня с улицы.

Вижу море, прекрасное и бескрайнее. Оно сливается с багряным закатом, словно небо и вода обмениваются новостями, пережив тяжелый знойный день. Зрелище прекрасное, аж дух захватывает; достаю телефон и делаю фото. Местные виды — неоспоримый плюс в моей поездке, но минусов пока больше. Психолог говорит, что я не социализированная из-за того, что в детстве у меня было заикание. Это правда: я боялась разговаривать со сверстниками и предпочитала лишний раз не открывать рот, чтобы никого не утомлять своими р-р-речами. Сейчас заикание тоже проскакивает, но только когда я очень сильно волнуюсь.

Главное — помнить, что у меня есть я, скетчбук с зарисовками и новое одинокое пристанище на ближайшие сорок семь дней.

ГЛАВА 2

Полина

ПРОСЫПАЮСЬ от поцелуев палящего солнца и невероятной жажды. Складывается ощущение, что снаружи градусов сорок, не меньше. Саша еще спит, а Юля сидит на кровати, потирает сонные глаза и улыбается. Есть в ней что-то ангельское, будто она просто-напросто не может раздражать, как фея из диснеевских сказок. А вот Саша... Когда вчера я вернулась в комнату, девушки еще не спали и сидели по койкам, уткнувшись в телефоны. Юля задала мне парочку дежурных вопросов из разряда «где была?», «что делала?», на что Саша цокнула и легла, отвернувшись к стенке.

— Доброе утро, соседка, — шепчет Юля, затем смотрит на часы. — О, минута осталась.

— Минута до чего? — сонным голосом спрашиваю я, скидывая с себя одеяло.

Юля ответить не успевает. Из динамиков с улицы доносится самая громкая, противная и навязчивая песня.

Хватаюсь за голову так, словно мелодия начала взрывать сосуды в мозге. Юля хохочет, а Саша жалобно стонет, закрыв лицо руками.

— Ты до этого не ездила в лагерь? — спрашивает Юля. — Тут всегда утренние ритуалы такие.

